

Шеева
артист

Люди искусства

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Эти заметки — штрихи к портрету актрисы Горьковского академического театра драмы Маргариты Алашеевой. Индивидуальность особенная, такую не часто встретишь. Интервью у нее взять не так-то просто. Обычная простительная актерская слабость — делиться с вами мечтаниями о ролях, которые хотелось бы сыграть, — самого высокого полета (да вот, мол, пока не получается).

Ответы М. П. Алашеевой заставляют задуматься. Говорит, что надежды свои подчиняет театру. Что будет в художественных планах театра, в том и она как актриса может и должна найти себя. Здесь любовь не к себе в искусстве, а к искусству в себе — высшая мера профессионализма, доверие к родному театру, к его задачам и всегдашнее желание эти задачи решать.

Маргарита Куликова-Алашеева — воспитанница Горьковского театра драмы, специальное образование получила в его студии, и я как педагог студии имела возможность следить за ее актерским становлением и развитием. А впрочем, это звучит самонадеянно — ведь каждая новая роль Маргариты открывает что-то новое в ней, часто неожиданное.

Скромность — не наигранная, достоинство, честность, надежность, высокая самодисциплина. И редкий в театре, к сожалению, дух подлинного коллективизма, чувство ответственности. Даже как-то не типично: ни премьерства, ни хвастовства, ни преувеличенных претензий. Станиславский говорил, что театр строится на растоптанных самолюбиях. Здесь не то: просто человек знает, что театр — единственное дело его жизни, и умеет подчинить свое самолюбие общей идее.

Много, много маленьких ролей, особенно в начале работы, — вещь необходимая. Они создают как бы питательную среду творчества. Сколько спектаклей, часто проходных, стирается в памяти, а особенный облик актрисы в разные этапы ее сценической жизни — робкая юность, пленительная молодость, уверенная зрелость — определеннее складывается!

Женщины русской революции, русские девушки из пьес А. Островского, Найденова, фабричные девчонки из пьес Розова, Арбузова, Антокольского. Везде на месте, везде запоминающийся образ.

Но в этой повседневной, незаметной, почти что подвижнической работе есть свои звездные минуты и часы, когда раскрывается существо таланта и оживает на сцене нечто важное — для искусства и для жизни.

«Светлая» линия среди ее ролей началась с образа Наташи — борщеводницы в пьесе Радзинского «104 страницы про любовь». Мысль о том, как много значит истинное чувство любви в жизни

человека, как оно освещает лучшее, что есть в человеческой душе, и все привычное, пошленькое, будничное, наносное изменяет, уничтожает, раскрывалась актрисой с удивительной искренностью, простотой и в то же время с той сдержанностью, которая сама по себе говорит о глубине.

Запомнилась всем ценителям таланта актрисы прелестная, наивная и самоотверженная Ларушка в пьесе Арбузова «Выбор» — существо словно бы простенькое, но с морально грамотной душой, с чутьем на «чужую» мораль. И в счастье, и в несчастье эта женщина, как ее рисует актриса, лишена эгоизма. Роль для спектакля важна чрезвычайно, чтобы отделить подлинное от фальшивого, зерна от сорняков. А ведь ее играли во многих театрах сатирически-ничтожной мешаночкой! В этой роли проявились умения актрисы, свобода от штампа, способность к сложному переуплощению.

В репертуаре актрисы — две трудные классические роли: Изабелла из «Меры за меру» Шекспира и Долорес из «Каменного хозяина» Леси Украинки.

Роль Изабеллы числилась в репертуаре многих больших актрис прошлых веков. Известно, что это единственная из героинь Шекспира, которая имеет не личный, а общий, философский идеал и ревностно ему служит, не смотря на свою юность. Вот как раз такая героиня у Алашеевой. В монастырь она идет потому, что окружающий ее мир разврата ей невыносим, и она хочет сохранить свою веру и душевную стойкость. И бредет сквозь мрак, и прячет в складках платья кинжал для защиты — деловито и трезво. Иллюзий у нее нет, есть смелость и готовность к бою.

Долорес — характер гордый, волевой, романтический. Она не впала в отчаяние от своего горя, она умно и трезво судит о жизни, смиряет и лечит свою душевную боль. Самоотверженность до конца — это ее гордость и последняя нравственная спора. Иллюзия, конечно, но побольше бы таких в человеческих отношениях — легче было бы дышать! Зрелая эта работа в спектакле — первая по значению.

Подобной же силы образ

создан актрисой в поэтической трагедии Сельвинского «Царевна Лебедь», где героиней стала царевна Ксения Годунова. В трактовке актрисы любимые черты русской женщины соединились в символе Лебеди: женственность, нежность, смелость, поэтическая, былинная прелесть — «свет светлый», душевное бескорыстие, преданность любимому и его делу. Здесь и вечное, и современное — независимость, сила характера, ощущение равенства с мужчиной в подвиге во имя родины. Символ расшифровывался конкретно-исторически, разумно и увлеченно.

Любимые роли у М. Алашеевой — персонажи из пьес М. Горького, такие богатые человеческим душевным разнообразием, всеми красками и цветами личности. Женщины в пьесах Горького чаще всего такие, которые «распрямяются», сбрасывая цепи с души.

Люба в «Последних» у актрисы очень хороша: не злая, как ее обыкновенно играют, печальная, умная и в то же время умеет ненавидеть и точно знает, кого следует ненавидеть. Может быть, сумеет выбраться из ямы, куда ее толкают? Такое чувство она возбуждает у исполнительницы, и это передает через рампу истинно горьковское настроение.

Напротив, Татьяна Автономова в инсценировке повести «Трое» дает актрисе возможность «вывернуть» все утолки этой уродливой души, чтобы наказать «хозяйку» презрением. Работа делается беспощадно точно, будто со скальпелем в руке. И это тоже Горький — неповторимый автор, которого приблизительно передавать нельзя.

Многогранны образы женщин из пьес Теннесси Уильямса (Бланш, Маргарет) — роли большие, трудные. Но актрисой и здесь уловлено самое главное — зыбкость души, «порча» ее от эгоистических расчетов и своеволия.

Мастерство актрисы все время шлифуется, закаляется, совершенствуется, и это бывает особенно заметно в так называемых «эпизодах», когда пребывание актрисы на сцене исчисляется минутами. Последняя, например, крошечная роль Мариэтты Риваль в «Кабале святош» Булгакова! Полуодетая, в каких-то ярких театральных лохмотьях, веселая, как птичка, а потом такие глубокие грудные ноты, сдерживаемые слезы при объявлении зрителям о несчастье в театре!.. То же чувство стиля, что, например, и в роли Роксаны в пьесе Ростана «Сирано де Бержерак». И запоминается — наравне с главными героями.

Лучшие общечеловеческие грани русского национально-женского характера актриса умеет открывать в своих героинях, в том числе и в «иностранках». С возрастом могут меняться типы ролей, но свежесте восприятия и глубокая искренность переуплощения, уверенная свобода сценического действия — уже органические черты таланта.

Если «допрашивать» с пристрастием, актриса, наверное, смутится и, привыкнув недооценивать себя, не сумеет четко сформулировать свои идеи в искусстве. Не беда! Они же в образах живут, они в крови, в нравственном стрессе, в естественном движении души.

А. АЛЕКСЕЕВА.
Фото В. ШОХИНА.

Горьковский рабочий
г. Горький

23 СЕН 1983